

A close-up, artistic photograph of a woman's face, heavily tinted with a blue and teal color. The focus is on her eyes, which are looking slightly upwards and to the right. Her hair is dark and voluminous, framing the left side of her face. The lighting is soft, highlighting the texture of her skin and the intensity of her gaze.

Оливер Морган

Виновата судьба

*Жить и умереть —
это закон. Иметь
дело с судьбой — нечто
очень сложное...*

Оливер Морган

**Виновата судьба. Жить
и умереть – это закон. Иметь дело
с судьбой – нечто очень сложное...**

«Издательские решения»

Морган О.

Виновата судьба. Жить и умереть – это закон. Иметь дело с судьбой – нечто очень сложное... / О. Морган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934861-6

Спокойная и умеренная жизнь двадцатилетней Дженнифер Чайлд, чьи лучшие друзья книжки и кофе, стала сплошным провалом после того, как она решила обжечься невиданным огнем любви. У Дженнифер нет почти никого. Осталось довольствоваться лишь доброй бабушкой Августой и единственной подругой Элли, что ей как родная сестра. Лучший друг Дженнифер — мысли о счастье; худший враг — судьба. Дженнифер считает с недавних пор, что именно судьба заставляет ее плакать от счастья, а потом рыдать от горя.

ISBN 978-5-44-934861-6

© Морган О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Утро добрым не бывает	11
Сюрпризы этого дня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виновата судьба
Жить и умереть – это закон. Иметь
дело с судьбой – нечто очень сложное...

Оливер Морган

© Оливер Морган, 2018

ISBN 978-5-4493-4861-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В один прекрасный день ты обнаружишь, что у тебя осталась только одна проблема – ты сам.

(с) Генри Миллер.

Пролог

Почему, когда человек хочет умереть или бросить все с концами, обязательно случается в его жизни что-то такое, что способно, буквально говоря, дать ему второй шанс на продолжение жизни? А если вдруг он снова захочет жить и радоваться каждому новому дню, судьба сразу же заставляет пожалеть его о мыслях, что когда-то были у него в голове. До счастья. За ложные мысли нужно платить?

– Крошка Дженнифер? – слышу давно забытый мной голос.

Если быть поистине честной, я стала задумываться о смертельных играх судьбы еще задолго до того, как умерли мои родители. Но думала я тогда, что это только мысли.

Хорошее было время, когда мама громко смеялась и радостно бежала по раскаленному от палящего солнца пляжу, а её выющиеся белые волосы, название «макарошки» которым я дала будучи еще счастливым ребенком, колебались на ветру, а уже потом на ее широких плечах, цвета ванильного мороженого. Пятого ноября 2002 года она умерла. За неделю до смерти мамы, я частенько доставала ее вопросами о самочувствии, а в ответ мне, она лишь отчаянно кивала и беспечно улыбалась, будто делала это по чьему-то принуждению. Не произносила ни единого слова. Впрочем, слов не требовалось, чтобы понять, чем она живет – я знала, что в глубине её бессмертной души, она все еще улыбалась и смеялась над грязной болезнью, которая все же победила в этом неравном поединке насмерть. Судьба подарила мне очень счастливое детство, а потом все забрала. Еще до смерти мамы я размышляла, почему я живу так счастливо, а некоторые дети из садика так плохо. После этих слов сожаления судьба и решила бросить мою жизнь в коробку с однообразными тяжелыми жизнями?

– Ты не виновата, – кто-то целует меня нежными и горячими губами в лоб. Открываю глаза, но ничего не вижу. Совсем.

Потом, спустя год, который можно было считать роковым, умер и мой отец Брюс. Он предательски застрелился в гараже, где стоял наш семейный джип, ни сказав мне перед уходом ни слова, почему же бросил меня одну с бабушкой в этом огромном мире, а сам ушёл настолько далеко и надолго. Навсегда. Бабушка мне позже объяснила, что папа не смог пережить утрату любимой жены Катрины.

Думаю, именно судьба перевернула всю мою жизнь.

А невиданная любовь? Но будет правильнее сказать «забытая» или «потерянная». Что можно сказать о ней? Она жила за углом в конце моей улицы. Молча существовала, убивая меня. Первым человеком мужского пола, которого я действительно полюбила, оказался мальчик по имени Микки. Не могу сказать, что это была любовь, ведь по сей день до конца не знаю, что это такое, но думаю, вибрация ниже живота, вдруг понять, что жизнь прекрасна, хотеть взлететь – это именно те показатели, когда душа твоя находит в другой душе невиданно-прекрасный аромат парфюма под названием «люблю». В то время я думала, что сяду на поезд любви и умчусь в прекрасное будущее. В итоге, поезд сошел с рельсов и взорвался вместе с моими надеждами.

Теперь немного о семье: моя тетя Кладет со стороны отца, что живет в Норвегии уже более десяти лет, была одной из тех «озер», что сразу замерзают, стоит только летним денькам покинуть дереvушку. А то есть, сразу отвернулась от меня, когда не стало моего отца. Думаю, именно из-за него одного только и наведала нас. Раз в год.

– Ты нужна нам...

Судьба лишила меня всего и сразу. Не стала рассчитывать свои силы. Она не связала мою жизнь с чем-то действительно хорошим. Зачем брызнула в достойный рисунок черной краской?

В мои четырнадцать лет я впервые познакомилась со смертью. Она учила меня познавать грусть, научила горько плакать и всегда была рядом, как друг, от которого хочется отстраниться, но к сожалению не можешь. Сейчас мне двадцать. Судьба пару лет была в отпуске, но снова ворвалась в мою жизнь. С четырнадцати лет по сей год я больше не задумывалась всерьез о смерти, но она нашла меня и снова настигла. Вместе с ней пришла и любовь. Как эти три подруги: любовь, смерть и судьба нагло и без спроса играли моей жизнью, я вам сейчас и расскажу...

Глава 1

Тишина звенит в ушах. Смотрю на свои белые кроссовки «All Star», которые покрылись темно-голубым слоем от предвкушения нового рассвета. На улице ни души, а мороз, состоящий словно из горячего воска, целовал мои руки и ноги, заставляя задрожать. Раздумывала о вчерашнем вечере, что было несколько часов назад – для очищения головы от ненужных мыслей, я немного выпила в местном скучном баре, не подумав о том, что будет со мной завтра или же через неделю. Зачем вообще нужна эта безвкусная жизнь, когда кроме такой противной и сильной боли в ней ничего не осталось? Думаю, этим вопросом задавался хоть раз в жизни каждый человек, который смог перенести потерю родителей и любимого человека, который тебя даже по сути и не знал...

Бродила по улице, на которой живу. Уходила прочь отсюда. Все кругом таилось в тишине. Дороги пустовали.

«У тебя даже парня-то никогда не было», – ушные перепонки пытаются отторгать звучные голоса учеников школы, когда я еще училась в ней. Многие ненавидели меня за то, что мне было по душе больше быть одной, чем с кем-то.

Терпкий запах алкоголя перетекал изо рта в нос, а затем вновь бил в оба виска. По двум передним зубам временами проносились болезненные импульсы, а потом все бесследно проходило. Что это значит? Голова зверски гудела и мешала даже дышать.

Ощущения безграничной свободы, которые ты обычно испытываешь, уходя на дно бассейна до полна наполненного ледяной водой, преследовало меня всю ночь. И даже в том скучном баре, где со мной начали флиртовать парни помладше меня. Хотели познакомиться, видимо. Я тоже хотела. Не вышло. Боялась.

«А где твой парень?» – эти слова всплывают в разуме, но я игнорирую.

Все ещё по-прежнему находилось во власти долгой ночи, но спустя очень короткий промежуток времени, весь тихий Коннектикут принял более светлый оттенок, наполняясь лаем бродячих собак где-то вдалеке и грохотаньем досок в кузове грузовика. Мартовский ветер дул прямо в лицо, от чего волосы становились похожими на веревку, которой играл щенок в зубах.

«Привет, а где твой парень?» – снова эти слова. Снова заставляют меня вспоминать пережитое. Вспомнила того парня, который хотел познакомиться сегодня со мной на качелях, что установлены неподалеку отсюда. Приняв это за оскорбление, я ударила его по щетинистой щеке, а он так мило удивился, что хотелось сказать ему многое, чего просто нельзя было. Я хотела все изменить, обратить ситуацию в нужное русло, но было уже очень поздно.

– У меня никого нет, – ответила на слова парня только сейчас – пару часов спустя. Ноги подкашивались. Всю ночь я дружила с деревьями и бетонными стенами.

Семь тусклых дерева. Старый заброшенный автобус. И так много пачек сигарет на земле. Проезжала на синем автобусе вдоль улицы, которая стала причинять мне боль при каждом ее упоминании. Как не старалась, но все равно мне на глаза попался дом трагически ушедшего из моей жизни парня. Прислонившись щекой к запотевшему стеклу, я пыталась прогнать головную боль с похмельем. И мне все-таки удалось. А открыв глаза, дома уже этого не было. Он позади.

Автобус остановился.

– У вас нос как у клоуна из телевидения, – выкрикивает мне в лицо маленький мальчик в зеленой курточке, когда я шла по очередной улице, указывающая мне путь домой. Его слова пронеслись миллионами отголосков на конце этого Т-образного перекрестка.

– Это комплимент? – в шутку спросила я мальчишку, но видимо, он посчитал мой вопрос ответом – мальчик радостно побежал дальше, будто бы я вдруг исчезла из виду, как дым.

Подожгла ароматную сигарету фирмы «Мальборо» и вобрала в легкие как можно больше никотина. Воздух вокруг стал очень спертым. Неуловимый дымок окутал меня. Но даже его скоро постигнет участь людей – он исчезнет из этого мира навсегда. Сидела на холодной трубе и выпускала густой дым из щели меж губ. Да, я понимала, что лёгкие мои находились в никотиновой эйфории, которая со временем возможно даже перерастет в злокачественный рак, не позволяя мне дышать так, как прежде. Я знала это, но мне было все равно на свое ничемное здоровье. Я умру в любом случае. Так почему же не сейчас? Чем быстрее, тем лучше. Можно ли так говорить?

Моя бабушка Августа, единственный человек с кем я живу в данный момент, одна из тех людей, кто понимает, какой бардак из мыслей творится у меня в голове, а потому, частенько балует меня маленькими подарками, вкусной едой, сериалами, дабы помочь сделать мою разбитую жизнь чуточку счастливее, внеся в неё все, что я так люблю. Я ей очень благодарна за это.

– Осторожнее, девушка. Вам плохо? – незнакомый мне мужчина касается моей талии, потягивая на себя, чтобы я не упала в снег.

– Я в порядке. Все очень хорошо...

– Вы уверены?

– Уверена, – я желала как можно быстрее закончить этот бессмысленный разговор. Оглянувшись, осознала, что его больше нет рядом. Сильно шурясь, мне все-таки удалось рассмотреть мужской силуэт на самом конце этой освященной желтым светом улицы.

Сколько я буду еще бояться любви?

– Мне, пожалуйста, одну булочку с маком, – монеты, что я положила в тарелочку для монет, вдруг раздражительно затрещали. Сколько себя помню, каждую зиму этот фургон стоял здесь – около продуктового магазина и детского сада покрашенный весь зеленой краской. Уже очень много лет я ничего тут не покупала. Пришло время восстановить пробелы.

– Очень хороший выбор для такого прохладного утра.

– Вы так считаете? Рассвет только.

– Мы работаем с пяти часов, мне не привыкать делать комплименты всем... утренним пташкам.

Продавщица ларька на колесах поправила пушистые наушники и отступила внутрь фургона. А я откусила горячее тесто и пошла гулять дальше, фыркнув на ответ девушки. Продолжила идти домой.

Что имела ввиду продавщица? Не только вам интересно. Мне тоже интересно узнать, почему ее вдруг на секунду замкнуло, говоря она о своей работе. Вместо «ранней пташки» у нее на языке, вероятнее всего, крутилось «таким алкашам», но ответила она иначе. Когда говорят, что алкоголь помогает отвлечься от проблем, это правда, да, но также знайте, что он может увести от вас далеко все, чем вы действительно так сильно дорожили, решив на «ура» ваши проблемы, а взамен подsunуть трагедию или того хуже – смерть. И еще, алкоголь – это самый невкусный антидепрессант в мире. Я, например, квитаюсь с жизнью фильмами, книгами и фантазией. Не пью. Сегодняшний день просто порыв опять все той же фантазии. Думала, что поможет перенести страх. Фантазия!

Выпустила очередную клубу дыма изо рта. Я подолгу вглядывалась в холодный метель мелких снежинок, которые ложились только на траву – на земле они быстро таяли, оставляя

после себя лишь секундный яркий блик. Одна за другой, повторяли судьбу предыдущей. Прямо как мы – люди.

– Я больше не хочу этого всего, – произношу я, и мой голос сразу же теряется среди остальных звуком улицы. Заплакала как маленькая девчонка. Села на заледенелый сугроб.

Хочу ещё сказать, что мое прошлое воскресенье оказалось довольно-таки милым: когда бабушка приехала домой с неким парнем во фланелевой рубашке и курчавыми волосами до плеч, закручивающиеся у него на ушах, я мельком посчитала, что он очень даже привлекательный. Но выяснилось позже, что он мой далёкий родственник из соседнего городка, который приехал погостить в наш город к своей девушке.

Почему твоя любовь живет на другом конце города, братец?

Начался долгожданный рассвет, который я так ждала: улица начала наполняться семейной руганью; огни соседских фонарей тухли; снег быстро таял от восстающего солнца, а в воздухе витал приятный запах жаренной еды, оставляя после себя ассоциации праздника.

– Фридрих, помоги мне с ребенком!

– Иду, дорогая!

Желтоватый блик в окне очень хорошо знакомого дома – оттуда иногда выпадали шум и шорохи. И милый разговор. В свете ночника, проецирующий семью на шторы, я рассмотрела тени двух: они целовались, обнимались, а потом к матери потянулись маленькие детские ручки. Губы расплылись в глупой ухмылке – мне было приятно осознавать, что есть ещё люди в этом мире, которые помнят гимн любви наизусть, учат язык любви. Возможно, когда-нибудь и в моей жизни наступит подобный рассвет. А пока что, я могу наслаждаться лишь темнотой в сердце, где очень тускло и редко светит свеча, что почти на исходе.

– Меня опять кошмары мучили, – прошептала женщина в окне и свет погас. Все дальнейшие события с того дня в моей памяти тоже погасли. Алкоголь, видимо, затмил мне рассудок.

Утро добрым не бывает

11 утра.

Это утро началось с того, что я с грехом пополам смогла подняться с постели, которая манила меня своим приятным теплом. Смятое одеяло привлекало внимание – хотелось нырнуть обратно и не высовываться больше до скончания дней моих.

– Дженнифер, вставай. Пора забедать! – кричит с первого этажа бабушка. Сегодня будет снова омлет с овощным салатом, а на десерт – покупные блины с черничной начинкой.

Знаете, для бабушки одиннадцать часов утра – это чуть ли не поздний обед. Для меня – время завтрака и водных процедур. Уже давно в нашем доме есть такое слово, объединяющее и обед и завтрак воедино – забедать!

Стоя босыми ногами на холодном полу, все вокруг становилось микроскопическим, а рвотный рефлекс все сильнее будоражил меня, касаясь взгляд старинного красного будильника, который вот-вот должен зазвенеть. Голова кружилась так сильно, что падая на кровать через каких-то пять секунд, я постаралась ухватиться за простынь. Опять эти чертовы боли в разуме. Тем утром я была готова зацепиться за что угодно. Казалось, что падаю с подоконника прямо в открытое окно. Уже как неделю я ем по одному разу в сутки. Могло ли это спровоцировать такое головокружение?

– Что там? – пыталась разглядеть писанину врача, когда прибыла в ближайшую клинику. Не смотря на то, что из-за непривычного утреннего состояния я нервничала даже из-за шуршания тапочек врача о пол, настроение мое оставалось все таким же превосходным.

Ответа и пояснений от врачихи я так и не дождалась. Вместо ответа – жирная точка на белом фоне справки. Мисс отложила листик в сторону. Посмотрела на свои загорелые руки, которые сложила домиком и передала справку мне, непроизвольно двигая губами и часто моргая. Сказала, что у меня обычный вирус. Будет простуда и все успешно пройдет. Но я заметила, что она что-то скрывала от меня еще. Головные боли от обычной простуды? Вероятно, не договаривает о страшной и мучительной мигрени.

По пути домой любовалась дерзкой красотой Коннектикута сверху – автобус до остановки на самом ближайшем пункте к моему дому, всегда проезжает сперва на мосту. Оттуда видны почти все дома улицы, на которой я живу. На другом конце улицы я увидела еще что-то. Гроб. Лакированный, коричневый. Я сразу вспомнила давние четыре смерти хорошо знакомых мне людей. И запах бумаги. На похоронах мамы в воздухе витал почему-то именно запах бумаги.

– Все прошло хорошо? – спрашивает бабушка, вступая в войну с тишиной, нагло прервав ее. По приходу домой, я сунула листик врача в одну из любимых книг «Убить пересмешника», которую читаю, когда мне грустно, или когда голову опять начинают заполнять нечистые мысли.

Бабушка сидела за столом, кусая тосты с маслом и попивая горячий кофе по «крутейшему» рецепту.

Бэйли Аттвуд, наш сосед, что работает в соседнем магазине неподалёку, всегда выписывает по благу несколько пакетов особенного на его взгляд кофе из другой страны, чтобы потом продать его моей бабушке за пол цены. По причине, что был тайно влюблен в мою бабушку. Во имя любви можно отдавать кофе бесплатно, разве нет? Вы должны знать ответ. Любил мою бабушку еще во времена, когда дедушка Филипп был жив. Пока опухоль не стала развиваться у него в голове, каждый день заставляя забывать предыдущий день, сегодняшний завтрак и даже собственное имя.

Прошлым летом я несколько раз заставляла бабушку за телефонным разговором в котором говорилось о перевозке товара. Она смеялась громко – был слышен смех и на другом конце провода. Кто же знал, что бабушка не употребляет наркотики? Эта история не прошла бесследно – стала семейным анекдотом, который мы вспоминаем каждый раз, сидя за ужиным столом в кругу оставшейся у меня семьи.

– Это из-за того, что ты плохо питаешься, я уверена. Какая к черту мигрень? Чепуха, – уверяет меня бабушка, наблюдая за парадом снега за окном. Я же, стояла у этого самого окна. Лазала в интернете.

– Мне уже лучше. Не беспокойся.

Я зевнула и бросила таблетку в тёплую воду. Врач ясно дала мне понять, что таблетка поможет перенести рвоту, а головокружение пройдет само собой. Ничего стоящего она мне так и не посоветовала. Банальные слова врача.

– Сегодня по новостям ничего толкового, – бабушка включает музыкальный канал, начиная дергать плечами в такт музыке и хохотать.

Хлебала горячую воду с лимонным вкусом вместо ароматного чая или кофе, что обычно пью по утрам. Облокотилась о подоконник. Не замечала бабушку – снова ушла в себя. Можно было сколько угодно смотреть на соседские дома; на снег, который не долетал до земли из-за солнечных лучей, и на парня по имени Колен, который каждый день разносит пиццу в такой холод, проходя мимо моего дома и вешая чёрную сумку на дерево, растущее прямо под окнами моей комнаты, пока вручает заказ.

Мальчик из параллельного класса, а то есть Колен, снова тычет пальцем в звонок соседей-хиппи, стесняясь что-либо говорить, когда дверь откроется. Помню, как в школе думала, что он глухонемой, а друг его как-то раз подошёл ко мне и лично сказал, что Колен не глухонемой. Интересно, почему ему было так важно знать, что мне не все равно на его друга? Поговаривали в школе, что у него также как и у меня, никогда не было отношений с противоположным полом.

Вот он снова смотрит на меня. И снова отворачивается, когда замечает меня в окне. Очень странный мальчик, серьезно.

Спустя час.

Оказавшись в своей уютной маленькой каморке, вся обставленная сувенирами из лавки, игрушками из почти закаменелой соломы и старыми плакатами на фоне грязно-голубых стен, не долгая думая, чем заняться дальше, я решила зайти в «Фейсбук», чтобы проверить сотни новых сообщений от моей лучшей и единственной подруги Элли. Она снова прислала мне сто сообщений за раз, чтобы я поскорее ответила ей. Надоедливый трюк подруги.

– Это что-то неистово тупое, – я потянулась на стуле, распустив свои шелковистые длинные волосы на плечи.

– Мне это нужно, Дженнифер! – умоляюще бормочет Эл, потянувшись к маленькому столику позади нее, на котором громоздились журналы для фитнеса, которые никогда ее не интересовали, и с десятков пустых коробок из-под мармелада.

– Думаешь, Пит будет не против?

Ноты любимой песни танцевали веселое регги, выступая из музыкального центра, что установлен у окна. Эта старая песня всякий раз напоминала мне о родителях. А точнее, об одном из них. Могу с уверенностью сказать, что с самого детства я была рассеянной, но песню «*Soko – First love never die*», которая звучала из радиоприёмника отца, забыть я ни просто не могла, но и никогда не желала. Эта песня – еще один антидепрессант.

– Ему об этом не скажем, – шикнула Эл в свой указательный палец, глотнув чай. Элли хочет сегодня в тайне от парня встретиться со своим самым любимым бывшим парнем, (да,

у Элли есть список: топ 10 парней в ее жизни, что лучше всех) обсудить их давнюю любовь. У кого какие хобби появились, чем кто занимается. Пит – это нынешний парень Элли. Она смогла сохранить с ним самые долговременные отношения. Считать, сколько парней было в жизни Эл, я бы просто устала, поэтому будем думать, что это и есть те самые отношения, о которых она всегда мечтала.

«Эх, у кого-то любовь, а у кого-то дни на пролёт уходят на просмотр фильмов, чтение электронных книг по ночам и на безграничное пристрастие к кофеину» – подумала я, а музыка на минуту отошла на второй план.

– Давай встретимся рядом с магазином Эшли?

Эшли Миллер – старая подруга семьи, у которой свой магазин недорогого парфюма. Бабушка часто закупается у неё подарками, когда на горизонте виднеется чей-то день рождения, либо другие, прочие праздники. У Эшли есть и одна милая, но порой очень надоедливая привычка, которая может выбить тебя из колеи буквально за минуту проведённую рядом с ней:

«Как дела в личной жизни?» – спросит она тебя.

«Нормально» – ответишь ты ей.

«Когда в последний раз ты сытно обедала?» – этим она тебя заставит сидеть в углу сомнения. Даже не скажет причину, почему так сказала.

«Эм» – твой единственный ответ на тот момент.

«Нравятся ли тебе по-прежнему парни?» – добьет этим.

«Что?» – такой вопрос – твой последний вопрос.

Да, она считает, что красивым девушкам вроде меня, – так говорит Эшли, – не суждено любить беспринципных мужчин и она уверена, что со временем и мне по душе придутся женщины. «Прекрасный пол должен любить прекрасный пол» – еще одна цитатка Эшли Райт.

– Люблю тебя. И берем шарфы, – показываю в камеру красно-синий шарфик моей любимой мамы. Она всегда заставляла меня его носить, но Дженнифер в те годы была упертым ослом и отказывалась. Мама бы гордилась мной, что ее дочь не осел, а человек.

– Люблю тебя. Берём, – Эл хлопает ресницами и закрывает ноутбук. Мы с Элли никогда не ругались. И в честь этого, в один из прекрасных дней моего детства, придумали такой вот трюк: говорить друг другу как можно чаще, что любим друг дружку. Не подумайте, что на этом «люблю» только и держится наша дружба...

На прошлой неделе, когда было еще более-менее тепло, бабушка ходила в торговый центр, чтобы дополнить свой огромный гардероб еще более дорогими вещами. Выяснилось, что она купила и футболку для меня, которую показала мне только сейчас. На розовой футболке изображён плюшевый медведь, который держит в руках сердце, а написано на нем моё имя. Бабушка немедленно заставила меня примерить эту футболку, думая, что я буду носить сей детскую одежду, которую видела в последний раз на девятилетней девочке. Но дабы не обидеть родственника, пришлось принять этот, что я узнала только потом, не совсем дешёвый подарок.

– Мисс Дженнифер Чайлд, как думаешь, что лучше приготовить на ужин сегодня?

Бабушка роется в чердаке, что есть под лестницей.

– Думаю, что курица будет сегодня кстати, миссис Августа Чайлд!

Сажу на кухне за столом, посматривая на часы, чтобы не опоздать к месту назначения.

– Миссис? Почему же не Мисс? – в шутку злиться она.

– Потому, что так нас будут различать. Ты ведь старше меня?

На кухне вспыхнула волна смеха двух женщин... одной женщины и внучки ее. Так будет правильнее.

– Спорить не буду, – сдается она, но будто бы назло мне.

Отвлекаться от учебных занятий по истории на будущий год, когда я поступлю в один из колледжей Коннектикута хотелось в последнюю очередь, но глянуть с удивлением на бабушку, уже красившую ногти ярко-красным лаком сидя напротив меня, все же пришлось. Возраст возрастом, но бабушка моя очень шустрая.

– Ты едешь на лечение в этом году одна?

– Пока не знаю, – ответила мне бабушка.

– Хорошо.

В час дня.

Ветер за секунду обдавал лицо ледяной пощечиной. Голубая вязаная шапка на голове послужила мне хорошей защитой от метели. В ином случае, голова моя бы просто-навсего отмерзла от чрезмерного ожидания на собачьем холоде.

Жду подругу, считая, сколько же грузовиков проедет по главной улице. Насчитала четыре грузовика. И сотни машин. А Элли все не было. Пару раз даже непристойно совала руки меж ляжек, чтобы согреться. И вы бы так поступили, разве нет?

Повернулась к тротуару лицом. Увидела девушку в красном коротком платье, поверх которого была надета распахнутая дутая куртка. Она шла на встречу, видимо, своему отцу, который стоял за моим плечом, слегка ухмыляясь и иногда поправляя свои древние очки. За секунду можно удивиться, вы знали? Когда они соприкоснулись губами и поцеловались, я смущенно отвернулась обратно в сторону проезжей части, смотря на них через зеркала только что припарковавшейся у моих ног машины. Эти двое «влюбленных» стали шептаться и, смеясь перешли дорогу, крепко держась за руки.

С облегчением выдохнула. Ибо когда за моим плечом строят такие планы на вечер, которые я слышала краем уха, мне не особо хотелось поворачиваться. Сердце стучало вдвое сильнее, чем обычно.

Это был не её отец, как мне показалось. Или... да? Вот уж любовь странная и непредсказуемая. Мне никогда не понять ее.

– Привет, дурында! – обняв меня за шею, кричит мне в ухо подруга. Чуть не задушила меня. От Эл пахло кремом для рук и булочками с маком. И еще тональным кремом.

– Почему ты так долго? – спрашиваю я.

Мы перешли дорогу. Я курила сигарету, пряча ее за рукавом своего серого пальто. Не люблю, когда смотрят как я курю.

– Дженни, тебе не понравится то, что я сейчас скажу.

Эл выглядела по-настоящему грустной.

– Я слушаю тебя.

– Готова?

– Конечно.

Я бросила сигарету в мусорный контейнер.

– У меня разболелся желудок. Я была в туалете.

Эл стала заразительно хохотать, танцуя балет под светофором.

– Ты ненормальная, знаешь Элли? Но я тебя люблю.

– Знаю!

После солнечных лучей, асфальт, куда снег не добрался испускал приятный, но пресный запах, который вонзался в ноздри, заставляя дышать вдвое чаще. Все царило в гармонии и уюте: песни уличных музыкантов, что были очень похожи на церковные молитвы, доносились откуда-то из стороны; любовные парочки, наслаждаясь данным им днем в обнимку прогуливались по проспекту, а все это, иногда сопровождалось грохотаньем рельсов от причала новой электрички и птичьим пением где-то на уровне седьмого этажа.

– Простите, не подскажите, где тут находится фотостудия Джорджии? – молодой парень, глядя в мои глаза, а затем в глаза подруги, остановился напротив нас. Стоял и ждал ответа.

Он уже полез в карман своих брюк. Достал мятый лист бумаги, чтобы удостовериться в правильности сказанных только что слов, но я хотела ответить раньше, чем он прочтает. Сделать первый шаг.

– За углом, где валяются кирпичи, – произнесла Элли, заставив меня заткнуться. Я немного растерялась, а парень уже ушёл, прежде оглянув меня, но улыбнувшись опять же, подруге.

И снова любовь обошла меня стороной.

Думаю, многие бы подумали, что Эл в свою очередь не очень умна, что оказалось бы правдой, но без Элли моя жизнь просто не имела бы смысла на существование. В трудные для моего детства дни, она часто оставалась с ночевкой у меня дома, стараясь всеми способами избавить меня от чувства никчёмности и одиночества: игры, переедание мороженого и фильмы ужасов, что помогали переносить сладкий привкус страха внутри. Мы подолгу могли смотреть в потолок и разговаривать до самого утра, пока стены не перекрашивались из черного в бледно-синий цвет. Помню, отворачивались друг от друга и быстро закрывали глаза, когда чувствовали, что бабушка вот – вот войдёт в комнату, проверить спим мы, или же снова смотрим телевизор до красноты глаз, как она всегда говорит. Затем, снова начинали шептаться, пока сон не заставлял наши тела замкнуться в плену теплого одеяла. Если пол в коридоре начинал скрипеть, значит жди беды – бабушка на подходе. Бабушка всегда ругалась, что я мало сплю. А теперь только и ждет, чтобы мы вместе посмотрели фильм в глубокую ночь. У нас дома даже хранятся семейные фотографии с моря, куда мы с родителями несколько раз брали и Эл. Мы тогда только и делали, что пугали морских жителей. Это я сейчас рассказала то, что было для меня спасательным кругом. Круг этот недавно сдулся, но пассажиры корабля все же спаслись...

2 часа дня.

Остановилась у уличной сувенирной лавки. Стала присматривать себе браслеты, разноцветные камушки, и все, что попадалось на глаза. Я просто обожаю подобные штучки. Мне очень понравилась одна веревочка с бледно-белым камушком, напоминающий огромную крупицу соли. Отложила цепочку в карман своей куртки и двинулась дальше, когда расплатилась с миловидным продавцом. Хочу подарить эту подвеску позже Элли.

– Догоняй! – кричит Элли.

Догнав подругу, которая только что завернула за угол, я столкнулась с мужчиной лет тридцати грудью. Он недовольно отступил в сторону, махнув на меня рукой и продолжил двигаться в первоначальном направлении, даже не подумав о том, что все могло получиться точно как во французских фильмах про любовь. Кольца на пальце не было, а значит у меня были все шансы выйти за него замуж. Эта мысль со временем становится не желанием, а мифом.

– Ты сейчас в отношениях? – Эл почти трогает руку своего бывшего парня. Мы пришли в кафе, где была назначена встреча, пару минут назад, а Элли уже заводит такие темы. Парень смущается. А я сижу рядом с подругой и пытаюсь не взорваться красной краской. Мне так стыдно за поведение подруги.

– Нет, – ответил высокий парень в теле.

– А вот у меня уже появился парень!

– Ты молодец, – говорит он, откашлявшись себе в руку. Мне этот мальчик нравится гораздо больше, чем Пит. Он мил в отличие от Пита. И в отличие от Пита, на его лбу не горит надпись: «Я готов изменить тебе хоть сейчас».

Мы покинули кафе втроем спустя час беседы. Элли покинула кафе довольная. Парень в джинсовой безрукавке – удивленным. Я – умирая от зависти и стеснения.

Спустя час.

Смотрела в большое панорамное окно, по которому капли дождя играли на перегонки. Мы решили навестить Ванду – тетю Элли, которая, сколько ее знаю, всегда работала здесь. Сказать честно, пришли мы сюда не для того, что увидеть Ванду, а чтобы поесть блины с черничным мороженым, которые делают только в этом заведении. Больше нигде никогда таких не видела.

Почему она так смотрит на меня?

Ванда уже десять минут не спускает с меня взгляда, тыча длинными ногтями в свои карты. Она гадает. Хочет навести на меня порчу? Соприкоснувшись с Вандой взглядами, она все же перестала тупо смотреть на меня и сдалась – неуверенно подняла темную руку вверх, показав жест приветствия, или же просто дала понять, что она все еще здесь.

Пришло сообщение на мой телефон:

«Долго не гуляй. Мы сегодня хотели вместе посмотреть мой любимый сериал, надеюсь ты не забыла?»

Закончив печатать ответное сообщение для бабушки, я вновь обратила внимание на Элли, прослушав все, о чем она толковала минуту ранее. Услышала только вот это:

– Знаешь, а ведь завтра у Брайана вечеринка.

Брайан Нестерли – наш общий друг со школы. Он встречался чуть-ли не с каждой поперечной девушкой. Со всеми, кроме меня и Эл, конечно же. Ведь дружба остаётся дружбой? На первых уроках он обнимался с Дорис Клифф; на четвёртом с Джинной Уиттл, а после уроков, посреди парковочного места, флиртовал с девушками, которые сходили от него с ума, точно как шопоголики балдеют от новой коллекции топикиов, когда на них вешают бирки с огромной скидкой. Была такая тактика: флиртуешь с одной – остальные становятся в очередь и образуется армия дур, которые не теряют надежд на счастливые отношения с привлекательным парнишкой. После окончания школы, мы стали реже видеться, но все же, связь поддерживали. Он, приятной внешности брюнет с чёрными глазами и коричневыми волосами, челка которых вечно поднята вверх.

– Да, я слышала, – ответила я, будто и вправду слушала её все это время. Воткнула пластмассовую ложку в ванильное мороженое.

– Ты пойдешь?

– Думаю, что да. Я могу с ума сойти, если проведу снова весь день дома, сидя в четырёх стенах комнаты.

Эл лишь неловко пошутила, сказав, что безумие становится намного красочнее, если добавить в него такой красивый цвет, как голубой. Она имела ввиду оттенок моей комнаты. Комната у меня вся голубого цвета, если не считать потолка. Он белый.

– Да, но радости мне от этого никакой, – ответила я, попутно зевая. Всю дорогу хотела спать. Наверное, не стоило читать так много вчера ночью. Купила себе новую книгу в магазине напротив бывшей и родной школы. Не про любовь.

– Дамочки, – послышался голос позади меня. К нам неожиданно подошла Ванда. Я даже немного перепугалась. Она прижала журнал для записей важных дел к области сердца, напевая мелодию.

Меня всегда интересовало, почему кожа Ванды латиноамериканского оттенка, а все её родственники белые? Может, она родилась под жарким июльским солнцем и пробыла под ним неделю? Звучит довольно смешно, если бы я не хотела так яро спать.

– Что делаем? – спросила Ванда, как всегда в своём репертуаре.

– Часто скучаем. Иногда грустим, а затем хочется умереть, – зевает Элли.

– Дженнифер, как ты поживаешь? – странным акцентом спросила она, касаясь моей руки будто трогает ядовитую жабу.

– Нормально.

Я покривила губами.

– Мы наверное уже пойдём, – Элли начинает искать свой телефон, окатив меня взглядом, который нёс замысловатый, но понятный подтекст – пора валить отсюда.

Я тоже не стала томить. Встав из-за стола, взяла пальто, которое лежало на плетённом столике. Ну, каждый наверное встречал в своей жизни столы, которые выполнены в стиле лесной корзинки. Так вот, здесь они как раз такие. Пару лет спустя, эти столы не поменялись, что меня вообще-то радует. Люблю когда все остаётся так, как было.

– Окей, – на секунду запнувшись, сказала Ванда, сверля меня своими зелеными крупными глазами. Отступила на несколько шагов от стола, но продолжала сверлить меня взглядом. Так, будто бы меня через пять секунд переедет грузовик. На лице её зажглась вдруг улыбка. Что это было?

Я накинула себе на плечи пальто и вышла из кафе.

«Почему она на меня так тарасилась?» – единственный вопрос, которым я задалась в тот день. Она всегда бывала немного странновата, но сегодняшний день был один из тех, о которых потом хочется думать целый день. А может быть, мне просто показалось?

8 вечера.

Темнота охватила буквально все. Не считая ярких кривых фонарей. Прогуливалась по темной улице, где земля изливалась красной от светофора краской, позже жёлтой и наконец зеленой. Пару раз столкнулась с прохожими плечом, тихо пуская извинения им вслед. Голова шла кругом. Почти как два дня назад.

– Чертов март! Будь он проклят! – визжит девушка, что только что провалилась ногой в сугроб.

Промерзшим асфальтом пахло повсюду, что мне даже захотелось вернуть Рождество – один из самых моих любимых праздников. Атмосфера хвои, горячий чай, предвкушающие волшебства и песни у камина – это то, ради чего и стоит ждать декабрь.

Пьяные мужчины, качаясь из стороны в сторону, неразборчиво мямлили себе под нос буквы. Шли в обнимку друг с другом, не замечая никого и ничего. Собаки лаяли на кошек, что забрались на голое дерево. А мой светлый дом испускал вкусный запах томатного соуса. За минуту до того, как оказаться дома, на кухне, я могла наблюдать за всем этим.

Провела рукой по сетчатому забору и почти обожглась – сетка была такой холодной, что кажется, готова была разбиться на миллионы металлических осколков.

Спрятав руку в рукав пальто, я направилась к дому.

– Запах обещает, – я вдохнула в себя аромат родного дома, шурясь, чтобы разглядеть бабушку. Зрение подводит меня уже несколько лет. А очки мне не идут. В очках я выгляжу как высокомерная самка крота.

Бабушка тотчас вынула противень из духовки и положила ее на длинный круглый стол.

– Обещает, – откликнулась бабушка. Это у нас такой ритуал. Когда ужин пахнет очень вкусно, значит, он обещает исполнить твою мечту. Если мечты на тот момент не оказалось у тебя в голове, значит запах обещает набить тебе желудок. Да, это странно и смешно, но моя жизнь страннее вдвое. Что не придумаешь ради того, чтобы пытаться продолжить жить как в ни в чем не бывало. Этот «ритуал» что-то на подобие слова «забедать».

Бабушка повела краем губ, и почти незаметные морщинки у глаз стали теперь очень заметные.

– Будешь ужинать?

– Конечно.

Направилась в ванную.

– Как волчица?

Бабушка сбросила пакет с мусором под окно первого этажа.

– Почти как волчица! – ответила я, обернувшись.

Промыв лицо теплой водой, подняла голову к зеркалу и глянула на свои красные щёки, по которым неслись прямо вниз слезы... или вода – я хорошо не разобрала. Прежде, я настолько часто плакала, что теперь вся жидкость для меня в какой-то мере – слезы. Сказала несколько важных слов самой себе, а потом покинула ванную, плотно захлопнув за собой дверь, чтобы беды, (я так хотела думать) снова не застали меня врасплох. Не погнались впредь за мной.

За ужиным столом мы с бабушкой обговаривали все приходящие на ум темы. Начиная с самых важным и заканчивая самыми нелепыми. Например, я узнала, что скоро со свадьбы бабушки с дедушкой исполняется сорок два года, а ещё через пару недель – мой день рождения. О том, что 27 апреля мой день рождения, я знала лет с шести. И последние несколько лет никогда не радовалась этому.

После ужина мы уселись на большом диване с черствым чехлом и стали смотреть бабушкин сериал, который она обожает больше меня, кажется. Главная героиня сериала – одинокая медсестра, жаждущая великой любви. А находит она её, влюбляясь с своего тяжелобольного пациента по имени Ральф, у которого оказывается, имеется двое детей от первого брака с богатой дамочкой.

После завершения первой серии, я во время рекламы подумала, что это страдальческое кино уж точно не для меня, поэтому ушла к себе, предупредив об этом заранее свою вздыхающую бабушку, которая не может просто так смотреть ни одну мелодраму без эмоциональных выплесков сострадания.

Покрывало на моей кровати было на половину темное, а на вторую половину – светлое с длинной фигурой крыши, которую рисовал лунный свет из окна.

Включила ноутбук. Приготовилась говорить. Миг – и появляется окошко с Эллисон Лоурен в главной роли. Она уже успела переодеться в домашний прикид: на ней была надета кофта с множеством пингинов, у которых на головах висели разноцветные шапочки.

– Дженн? Ты где? – глупо вглядывается в камеру Эл. – Слушай! Надеюсь алкоголь тебе не противопоказан? Это важно!

Подруга разваливается на стуле и расслабляется.

– Я пью только по поводу, ты знаешь. А что?

Недавно жизнь сделала акцент на том, что научила меня всего одной грязной зависимости. Алкоголь я употреблять к счастью не начала, что удивило и порадовало бабушку и порой даже меня.

Элли переждала несколько секунд, а затем предупредила меня о том, что собирается выпить со мной в знак того, что завтра мы официально лучшие подруги в течение уже многих лет. За это время столько всего успело произойти. В основном, меня с Элли связывают только хорошие воспоминания. Такие как: шумные вечеринки в средней школе, где даже сломанная ваза считалась на удачу, сопровождаясь весёлой похвалой и дружеским ударом по плечу; нескончаемые дружеские поцелуи с ней же. Но бывали и не очень хорошие. Например, когда впервые поцеловалась с мальчиком, не видя его лица, что потом стало моим постыдным клеймом на будущий год. Я никогда не целовалась, если не считать того раза. Меня заставил пойти на этот шаг алкоголь. Мне уже двадцать лет, но я все еще девственница. Этим парнем оказался

«Сливочный Билли», который облизывает рожок так пошло и противно, что потом хочется блевать несколько раз по дню. Самый ужасный день, не считая моей нынешней жизни.

– Я и забыла уже, – я устало потянулась в кресле, откинувшись на спинку и положила ноутбук себе на колени. Будь тут бабушка, снова сделала бы замечание, что у меня может появиться заболевание в желудке, или же немного ниже.

– Как ты могла? – трагически шепчет Эл, приложив тыльную сторону руки ко лбу. – Черт, да, мне об этом тоже напомнила мама, представляешь? Она вечно записывает что-то в блокнот, обводя потом вокруг даты красный круг.

Подруга снова начинает смеяться. Так легко и жизнерадостно, что на душе становится на одну гнилую дощечку меньше.

– Скорее всего, это был день знакомства с моей матерью. Ведь именно в этот день познакомились и мы с тобой, – заметила я.

Прежде, наши мамы были очень дружны. Бабушка рассказывала, что они всегда ходили по магазинам вместе, заранее об этом договариваясь по телефону. В тот период мы с Элли были ещё совсем малютками. Счастливыми. Счастливой. Я.

Сюрпризы этого дня

Утро четверга. 7:30 утра

Утром четверга я проснулась от некой вибрации, которая проносилась по всему телу и даже меж ребер. На секунду мне показалось, что душа начинает покидать меня, но болезненно раскрыв глаза, осознала, что это оказался всего лишь телефон, который разрывался от звонков. Звонит Элли.

Многое я представляла в голове, но то, что моё утро может начаться именно с такой новости, я просто не могла даже и ожидать. Столько много времени прошло с нашей последней с ним встречи. Думала, что встречусь с ним на вечеринке, дабы только поздороваться. Но похоже все и того интереснее. Эл сказала, что Брайан зовет нас к себе домой. Хочет, чтобы мы помогли ему организовать вечеринку. Мне не хочется, но я согласилась. Мы с Брайаном не виделись с выпускного вечера. В тот злополучный вечер мы с ним немного даже повздорили.

Мы договорились, что Эл заедет за мной ровно в десять утра на своем белом джипе, который она получила на восемнадцатилетние от матери. У семьи Лоурен был договор: если Элли оканчивает среднюю школу на все четвёрки без вмешательства денег, то взамен получает ключи от новенькой и прилично дорогой тачки. Но для Эл окончить школу без троек было невыносимо, поэтому машина досталась ей просто так. Говорила, что она отхватила тачку авансом на будущий год, где она уже точно возьмётся за ум. Прошёл год, но так этого и не произошло. Патологическая, но моя любимая врунья.

Приняв водные процедуры и впопыхах допивая полу-холодный кофе, я надеваю джинсовую куртку и пытаюсь быстро подвести губы тёмным карандашом бабушки. Иногда посматриваю за женщиной в телевизоре, которая ведет тупые утренние новости. Мое каждое утро проходит с новостями. Включаю, чтобы узнать погоду на сегодня, а потом тупо выключаю. И иду по делам.

– Бабушка, ты дома. Поможешь найти шарф? – воздух заметался у меня в легких, в животе и даже в ушных перепонках от того, что не могла найти свою белую майку с вышитыми белыми розами на спине, которую вчера закинула на стирку.

Эл любит являться прямо точь в точь в назначенное время, поэтому, чтобы не заставлять ждать Эл за дверью, я уже бегу по лестнице, натягивая на ноги бордовые высокие ботинки.

– Ба, если ты все же дома, то я уже уйду! – кричу я и выхожу на улицу.

Рядом с нашим палисадником, где в данный момент цветение такое же, как и мое настроение, я замечаю свою бабушку, которая о чем-то разговаривает с Эл, сгибаясь от смеха пополам. Последнее, что слышу, подойдя ближе, это: «Простите, Августа, но нам с Дженни нужно уже ехать». Эл садится обратно в машину, а моя бабушка отстраняется от автомобиля. Широко улыбаясь нам на прощанье, поправляя челку, которая вечно падает на лоб.

– Развлекитесь вдоволь, – желает бабушка, удаляясь ко входной двери с пакетом для сэндвичей в руках. Скорее всего в пакете были высушенные листья мяты, или же сливочное масло, которое она покупает в соседнем магазинчике через дорогу с голубой железной дверцей. Там самое вкусное, говорит она.

Хлопая дверью автомобиля, и область коленок начинает жутко холодать. Джинсы покрываются секундным паром и все исчезает.

– Ну, готова?

Элли бьет рукой по кожаному рулю.

– К чему готова?

– Ни к чему, забудь.

Наконец стронувшись с места, мы направились напрямик к месту назначения. А именно – к дому Брайана Нестерли, который живёт с недавних пор где-то на окраине города. Сначала мы проехали вдоль моей улицы, где деревьев выросло больше, чем рождаемость в Африке, а затем вынырнули на проезжую часть, по видимому, зацепив мусорный бак, ибо позади что-то перевернулось со скрежетом металла.

– Миссис Чайлд все такая же энергичная и милая, как прежде, – говорит Эл, а на губах сверкает прозрачная помада. Когда яблочный пирог мажут сиропом, он светиться точно также.

Я вдохнула приторный запах салона. Почти всю дорогу смотрела в окно: на мелькающие деревья, которые приносились мимо нас с такой скоростью, что сосчитать их было просто невозможно; на снег, который прилипал к стеклу; на крыши практически одинаковых домов, которые были покрыты тонким слоем снежной пелены только в некоторых местах. В салоне машины тихо играла успокаивающая музыка 90-годов, отчего у меня снова просыпалось дикое желание спать и медленно погружаться в прошлое. Только по одной причине, не хотела бы я возвращаться в прошлое – мои родители. Я даже думать не хочу о том, что они снова могут умереть.

– У Брайана должно быть будет куча народу. И парней-качков, – намекает Эл, чтобы я наконец начала знакомиться с мужским полом следя за дорогой и иногда посматривая на соседнюю полосу. Проигнорировав только что услышанное, я сказала:

– Мы со всем разберемся, не переживай. Ведь не напрасно Брайан попросил именно нас. Это лишь вечеринка. Праздник.

Листала журнал. Нашла его между сиденьями. В этой машине я не впервые, потому давно выучила все возможные места, и что в них может находиться. Обычно, между сиденьями бывают карандаши для глаз и бутылки допитой колы.

– Будь веселее, – Эл стала изображать стиль подбитого фламинго, который отчаянно пытается доковылять до океана. В танцах она не мастер, м-да.

– Я просто не выпалась, – держала губами не зажженную сигарету. – Есть у тебя зажигалка?

– Сегодня мы должны хоть немного оторваться от этой однотонной жизни и повеселиться на радость себе. Себе и только себе, – твердит Эл, проигнорировав мой предыдущий вопрос, будто хочет отплатить мне той же монетой.

Подруга затормозила у большом белом доме. Неподалёку от лесной чащи. Элли была тут прежде? Так быстро нашла его дом.

– Нужно развеяться. Между прочим, вчера я так и сказала, – я выбросила из окна сигарету, которую так и не успела поджечь.

Во дворе огромного белого дома стояла знакомая мне машина. На этом синем «Форде» приезжал в школу Брайан, когда отец его бывал в командировках. Это машина его отца.

Мы поспешили ко входной двери, захватив с собой только самые необходимые вещи: телефон и активированный уголь из бардачка, если вдруг начнёт воротить живот, в чем я уверена почти на сто процентов. И таблетки от головы, выписанные мне врачом. На самый ужасный случай.

– Надо бы Брайану сменить цвет своей тачки, а то этот... совсем выцвел. И некрасивый... Да ведь?

Элли обернулась на темно-синюю машину, которая стояла под белым, – от вчерашнего снежного бурана, – большим деревом.

– Машина не его, а отца.

Трижды постучала в деревянную дверь. Спустя пару секунд дверь вдруг отворилась. Перед нами пристала женщина средних лет с каштановыми кудрявыми волосами до плеч, в белой рубашке и совсем не в домашней обуви. Она оглянула нас пронзительным взглядом, а потом спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.